

Соотношение глагольных и контекстных средств выражения аспектуальной семантики в русском и чешском языках

1. Введение. В статье анализируется удельный вес различных языковых средств (грамматических, словообразовательных и лексических аспектуальных показателей) при выражении в высказывании «характера протекания и распределения действия во времени» [Пешковский 1956:105]. В Теории функциональной грамматики (ТФГ) изучено взаимодействие вида и способов действия, образующих центр функционально-семантической категории (ФСК) аспектуальности, с периферийными элементами ФСК – разнообразными лексическими контекстуальными элементами, выражающими аспектуальную характеристику «не только предиката, но всего высказывания в целом» [Бондарко 1987: 40]. В предлагаемой статье более подробно и в сопоставительном плане исследуется, во-первых, соотношение собственно глагольных и контекстных лексических показателей в рамках конкретного высказывания, во-вторых, механизм семантического согласования различных аспектуальных показателей в славянских языках. По предварительным наблюдениям, в чешском языке при наличии лексических аспектуальных элементов центр тяжести выражения аспектуальной семантики в высказывании смещается с глагольных форм на лексические показатели¹, тогда как в русском языке, при более сложном механизме их согласования, основным средством выражения аспектуальной характеристики действия остается глагол.

2. Аспектуальная характеристика действия в минимальном высказывании. Как известно, в славянских языках сама глагольная лексема (ее основа) выражает аспектуально значимую информацию о параметрах протекания действия во времени, причем эта информация во многих случаях относится к обязательно выражаемой. Так, говорящий по-русски при обозначении

¹ Возрастание роли лексических средств при выражении аспектуальных значений в некоторых славянских языках (что сближает эти языки с неславянскими) было отмечено В.Д.Климоновым при обсуждении с автором данной статьи проблемы сопоставительного изучения категории аспектуальности в немецком и славянских языках.

референтной ситуации всегда стоит перед выбором ее аспектуальных характеристик. Например, при обозначении пропозиции ‘строить дачу недалеко от Москвы’ в плане прошедшего времени говорящие по-русски должны выбрать глагол совершенного вида (СВ) или несовершенного вида (НСВ) в зависимости от факта завершенности / незавершенности строительства. Ср.: *Мы строили / построили дачу недалеко от Москвы*. А пропозицию ‘получать информацию от кого-то’ в прошедшем времени можно представить либо как однократную, либо как повторяющуюся, ср.: *Я получил / получал информацию от него*. Но, как известно, при помощи претеритальной формы НСВ в общефактическом значении можно оставить аспектуальную информацию о результативности / нерезультативности, однократности / неоднократности действия невыраженной, ср.: *Я мыла эту чашку; Я его встречала раньше*. Таким образом, в русском языке в минимальном контексте (т.е. в предложении, не содержащем, кроме глагола, никаких аспектуально значимых элементов) именно вид глагола выражает аспектуальные параметры ситуации.

Аналогично в чешском языке в минимальном контексте глагол СВ обычно выражает однократное результативное действие, а глагол НСВ – однократное процессуальное или повторяющееся действие. Ср.: *Pouští* (сейчас или всегда) *si teplomet // Pustí si teplomet* (однажды) – *Он включает* (сейчас или вообще) *электрокамин // Он включит электрокамин* (однажды). В минимальном контексте функции глаголов СВ и НСВ в русском и чешском языках сходны, различия касаются выражения общефактического значения НСВ и употребления презентных форм СВ в гномическом значении (см. ниже).

3. Взаимодействие видов с аспектуальными лексическими элементами контекста. Контекстные элементы, выражающие длительность, протяженность, медленное течение действия, одновременность двух или нескольких действий, являются возможными и частыми, но не обязательными показателями, акцентирующими значение процессуальности глаголов НСВ. Ср.: *Корабль (все еще, медленно, в течение часа) погружался – Lod’ se (ještě,*

stále, pomalu, celou hodinu) potápěla. Подчеркнем, что НСВ как немаркированный член привативной оппозиции, по Р.Якобсону [Якобсон 1985: 221], характеризуется семантической двойственностью и в определенных типах контекста способен иметь свое собственное положительное значение, противопоставленное категориальному значению СВ: значение процессуальности, при котором фокусируются не предельные, а срединные моменты протекания действия. Поэтому в ряде случаев собственное аспектуальное значение глаголов НСВ препятствует замещению предельными глаголами НСВ парных им глаголов СВ в тех контекстах, где имеются специальные контекстные показатели, указывающие на завершение и результативность единичного действия. Ср.: *Вчера я переделала (*переделывала) статью за два часа; Завтра за два часа я переделаю (*буду переделывать) статью.* Аналогично в чешском: *Ten článek jsem předělala (*předělávala) včera za dvě hodiny. Ten článek předělám (*budu předělávat) zítra asi za dvě hodiny.* Однако при обозначении кратной ситуации сочетаемость НСВ с такими обстоятельствами в славянских языках проявляется по-разному: в русском языке она возможна, в чешском – нет, ср.: *Обычно она переписывала (перепечатывала) такой текст за час; *Takový text přepisovala obvykle za hodinu.* В чешском языке при обозначении подобной кратной ситуации вероятны следующие предложения: *Takový text přepisovala obvykle hodinu (Такой текст она обычно переписывала час); Takový text přepsala (СВ) obvykle za hodinu* (букв. *Текст она обычно переписала за час). В рассмотренном случае русские глаголы НСВ, единственно возможные в подобном контексте повторяющегося действия (кратность при этом выражается лексически) выступают как аспектуально нейтральные формы и поэтому свободно сочетаются с инклюзивными обстоятельствами типа *за час*, подчеркивающими результативность и завершенность действия. В чешском же языке вторичные имперфективы типа *přepisovala* в этом типе контекста ведут себя не как полностью немаркированные формы, что связано с закономерностями употребления видов и функциональной нагрузкой глаголов СВ и НСВ [Петрухина 1998].

В расширенном контексте роль вида в формировании семантики предложения уменьшается, так как в выражении протекания действия участвуют разнообразные языковые элементы: помимо глагольного вида и способов действия, лексические показатели: наречия, местоименные слова и предложно-падежные сочетания с обстоятельственными временными значениями (*уже, еще, часто, каждый день, за час* и под.); синтаксические конструкции (например, сложноподчиненные предложения с временными союзами типа *пока, до тех пор, как*) и др. В этом случае в русском и чешском языках (но в русском языке более последовательно) реализуется механизм семантического согласования всех аспектуальных элементов и нередкого их дублирования, ср., например: *Я сделаю эту работу за два дня, до понедельника; Udělám tuto práci za dva dny, do pondělka* (конечный предел действия обозначен в самой глагольной форме СВ и временных обстоятельствах). Наибольшие функциональные расхождения между русским и чешским видом наблюдаются именно в расширенном контексте: в русском языке более строгие правила употребления одного определенного вида и семантического согласования видов с элементами контекста, чем в чешском языке, где определяющую роль в выражении аспектуальных значений играют элементы контекста.

4. Употребление видов при обозначении завершённого действия в прошлом. В русском и чешском языках НСВ, немаркированный член видовой оппозиции, может имплицитно обозначать аспектуальные контекстные смыслы, но однозначное выражение единичного завершённого действия лексическими показателями требует употребления СВ. Это является источником ошибок для не славян, изучающих русский язык: не принимается во внимание обязательное в подобных случаях семантическое согласование контекстных элементов с формой СВ, например: **Он уже все, что я ему оставила, ел; *Делайте это сегодня полностью / до 7 часов вечера; *Вы уже писали свою статью? *Už všechno, co jsem ti nechala, jedl; *Dělejte to všechno do konce / do 7. hodiny večer; *Už jste psala svůj článek?*

Несовершенный вид может замещать совершенный вид при обозначении завершенного действия в русском и чешском языках лишь в том случае, если его аспектуальная характеристика вытекает из ситуации или контекста, но не актуализируется специальными лексическими элементами. При этом русский язык отличается от чешского языка большей частотностью употребления формы прошедшего времени глаголов НСВ с общефактическим значением. Там, где в русском языке употребляется глагол НСВ в общефактическом значении, в чешском часто используется СВ в своем обычном употреблении. Ср.: – *Доктор Орлов, если не ошибаюсь? – Да, это я, а вы?... Простите, не узнаю. – Ян Сухи. Мы **встречались** с вами на симпозиуме генетиков в Варне; чеш. *Jestli se nemýlím, jste doktor Orlov? – Ano, to jsem já. A vy?... Promiňte, nepoznávám vás. – Jan Suchý. **Setkali** (СВ) jsme se s vámi ve Varně na sympoziu genetiků.**

Аспектуально нейтральная претеритальная форма НСВ в дейктическом типе речи в русском языке имеет более богатый, чем в чешском, прагматический потенциал: если при обозначении одной и той же денотативной ситуации возможно употребление обеих видовых форм, то они будут различаться интерпретацией этой ситуации, причем не только в аспектуальном, но и модально-прагматическом отношении.

В следующих парах русских и чешских предложений между русским и чешским языками в употреблении НСВ в общефактическом значении проявляется сходство: первые высказывания (1,1',3,3') функционируют в качестве своего рода **предэтапного** вопроса, после которого говорящий переходит к главному сообщению или вопросу (2,2',4,4') [Тэк-Гю Хонг 2003: 97-112]. Ср.: (1) *Кто **записывал** лекцию?* (2) *В лекции много неточностей* – (1') *Kdo tu přednášku **zapisoval**?* (2') *Je v ní plno chyb;* (3) *Кто **убирал** на моем столе?* (4) *Где моя записная книжка?* – (3') *Kdo mi **uklízal** na stole?* (4') *Gde je můj diář?.*

НСВ в общефактическом значении в русском языке активно участвует в создании **риторического вопроса** – употребление здесь СВ в русском языке означало бы «иллокутивное самоубийство», так как пресуппозиция рито-

рического вопроса предполагает, что говорящий заранее знает отрицательный ответ на этот вопрос. Ср. *Кто тебя **просил** это делать?* ('никто не просил, не надо было это делать'); *Кто тебя туда **посылал*** ('никто не посылал, не надо было ходить')? *Я вас **перебивала**?* ('ясно, что не перебивала'). *Дайте и мне договорить*. В чешском языке в аналогичных риторических вопросах может быть употреблен как НСВ, так и СВ: *Kdo se tě **prosil**, abys to dělal? Poslal / Posílal tě tam **snad** někdo? Přerušila / Přerušovala jsem vás **snad**? Nechte mě laskavě domluvit*. Обращает на себя внимание тот факт, что в чешском языке в подобных риторических вопросах активно используются модальные частицы (например, *snad*), то есть тот смысл, который в русском языке выражается самой глагольной формой НСВ, требует в чешском поддержки контекста.

В русском языке вид может выступать как показатель своего рода определенности / неопределенности действия, в частности в отрицательных предложениях: СВ выражает отрицание известного, ожидаемого действия, тогда как глагол НСВ указывает лишь на то, что действия не было [Рассудова 1968: 20–21]. В чешском языке СВ возможен и во втором случае. Ср.: *Алексей мне книгу **не вернул**, хотя я его об этом очень просил; Никакой книги мне Алексей **не возвращал**, он обманывает; Alexej mi **nevrátil** knihu, i když jsem ho o to moc prosil; Žádnou knihu mi Alexej **nevrátil/nevracel**, vymýšlí si*.

5. Соотношение глагольных и контекстных показателей при выражении повторяющихся действий. Особенностью чешского языка, в сравнении с русским, при выражении повторяющихся действий является использование трех типов конструкций: с многократными глаголами НСВ (*potáhávat*), глаголами НСВ (*potáhat*), глаголами СВ (*pomoc*): *Často mi potáhával / potáhal / pomohl*. В русском языке трем приведенным предложениям соответствует лишь одно – с глаголом НСВ: *Он часто мне помогал*, т.к. многократных глаголов в русском языке практически нет (за исключением единичных стилистически маркированных глаголов типа *хаживать*, *сизживать*), а СВ при обозначении повторяющегося действия требует сильной

поддержки контекста (показателей нерегулярной повторяемости, кратно-цепной или кратно-парной синтаксических конструкций) [Маслов 1959, Бондарко 1971], например: *Málokdy jsem brával do ruky noviny / Málokdy jsem bral do ruky noviny / Málokdy jsem vzal do ruky noviny* (пример А.Г.Широковой) – *Редко когда я брал / взял в руки газету.*

Фундаментальные исследования многократных глаголов в чешском языке А.Г.Широковой показали следующее: многократные глаголы не могут быть образованы от всех лексико-семантических групп глаголов НСВ, они соотносятся только с основным, первичным значением мотивирующих глаголов НСВ, их употребление факультативно и во многих случаях стилистически маркировано, а также ограничено жанровыми и стилистическими особенностями художественных произведений и территориальной принадлежностью авторов, что также связано с возможностью образовывать аффективные глаголы с удвоенным и утроенным суффиксом *-vává(vá)-* [Широкова 1996]. Все это позволяет сделать вывод о небольшой роли многократных глаголов в выражении повторяющихся действий в современном чешском языке, где такие действия обозначаются обычными глаголами НСВ и СВ, причем, по сравнению с русским языком, отмечается большая функциональная активность глаголов СВ [Широкова 1996, Петрухина 2000: 64-73].

Глаголы НСВ в обоих языках могут выражать повторяющиеся действия без поддержки контекста в том случае, если контекст не содержит элементов, указывающих на актуальность действия, ср.: *Он встает в 7 часов – Vstává v sedm hodin.* В обоих языках глаголы СВ, употребленные в этих и подобных им предложениях, содержащих указание на конкретный временной момент, выражали бы однократное действие в будущем. Но тем не менее в области презентных форм в чешском языке, в отличие от русского, глаголы СВ достаточно свободно выражают обобщенные повторяющиеся действия при формулировке общих законов и правил, например, *Země oběhne (obíhá) Slunce za rok – Земля делает полный оборот вокруг Солнца* (букв. *обегаем Солнце*) *за год* [Петрухина 1983].

Чем регулярнее повторение, тем больше ограничений в русском языке на употребление СВ в значении узуального действия, при этом употребление НСВ становится обязательным, ср. *Она регулярно навещает (* навестит) нас в субботу*. В чешском языке и при регулярном повторении возможно употреблении обоих видов: *Navštěvuje / navštíví nás pravidelně v sobotu*, причем при возрастании нерегулярности повторения возрастает употребительность СВ, в сравнении с возможным НСВ. В некоторых случаях, а именно при выражении повторения случайных действий, в чешском языке возможны лишь формы СВ. Ср.: *Někdy polívku přesolí – Суп она иногда пересаливает* (ср. *пересолит*); *Ten autobus mi vždycky ujede – Я всегда опаздываю* (ср. *опоздаю*) *на этот автобус* (букв. *Этот автобус от меня всегда уедет*). Употребление форм НСВ в этих чешских предложениях вело бы к изменению смысла высказывания, к выражению преднамеренности действия, тогда как в эквивалентных русских предложениях употребление НСВ не мешает восприятию действий именно как случайных, а не как целенаправленных. Все это свидетельствует о разной степени аспектуальной немаркированности НСВ в русском и чешском языках. Косвенное подтверждение этого вывода можно найти в “Грамматике чешского языка” Б.Гавранека и А.Едлички, где отмечается, что употребление форм НСВ в чешском языке для обозначения повторяющихся действий может подразумевать подчеркивание продолжительности повторяющегося действия [Navránek, Jedlička 1960: 226], поэтому в чешском языке во многих контекстах узуального действия более обычными являются формы СВ.

Таким образом, в чешском языке вид глагола в контексте, включающем показатели кратности, практически нерелевантен (в контексте узуального действия свободно употребляются оба вида), тогда как в русском языке употребление вида более нормировано: НСВ, в силу своей немаркированности, в большей степени соответствует показателям узуальности действия.

6. Аспектуальная семантика фазисно-временных дериватов СВ. Во всех славянских языках дериваты с приставкой *по-* (*po-*) выражают действие,

ограниченное временными рамками, но не доведенное до конца, до результата (причем продолжительность действия часто оценивается как незначительная). Отсюда невозможность предложений типа: **Я почитал книгу до конца*; **Попил молоко до дна*. В русском языке это регулярная словообразовательная модификация: делимитативы образуются прежде всего от гомогенных непредельных глаголов деятельности (*поработать, погулять*), но данную модификацию могут иметь также гомогенные глаголы со значением психического, физического, эмоционального состояния субъекта, поведения, обобщенной деятельности, инактивных физических процессов (*побастовать, позасесть, поучаствовать, потерзать(ся), поцарствовать, погноиться*). В чешском языке делимитативы образуются значительно реже, чем в русском, особенно от глаголов, обозначающих неконтролируемые процессы, ср. *Свеча погорела и погасла – Svíčka chvíli hořela a pak zhasla*; *Голова поболела и перестала – Hlava ho nějaký čas bolela a pak přestala*. В приведенных чешских предложениях ограниченность процесса непродолжительным отрезком времени выражается **лексическими** элементами контекста, а в русских – **делимитативами**.

Благодаря профилированию конечной границы действия русские делимитативы, образованные от глаголов целенаправленной деятельности, по своим функциям приближаются к видовым коррелятам. На первый план выступает не представление об ограниченной длительности, а семантический элемент окончания действия, которое может оцениваться с точки зрения его результата (*хорошо, плохо*). В чешском языке делимитативы, не обладая ярко выраженной семантикой окончания действия, в подобных случаях употребляются значительно реже, чем в русском, причем значение результата выражается контекстными элементами (например, наречием *dost – достаточно*), ср.: *Мы уже потренировались, идем домой – чеш. Dneska jsme se už dost pocvičili, jdeme domů*

Между русскими и чешскими делимитативами нет однозначного соответствия: с одной стороны, чешским делимитативам в русском языке могут со-

ответствовать как делимитативы, так и пердуративы; с другой – русским делимитативам нередко соответствуют чешские ограничительные модификации с приставкой *za-* (*si*). В чешском языке глаголы типа *zakřičet* обозначают цельный квант действия, ограниченный начальным и конечным пределом, при этом, в отличие от русского языка, в их семантике не актуализируется начальная граница. Дериваты *za-* + *si* могут обозначать как одноразовое действие, совершенное в конкретное время (*zalhat si* – солгать (с удовольствием); *zahřešit si* – согрешить (с охотой), так и менее конкретную деятельность (*zarežítovat si* – порежиссировать; *zauřadovat si* – позаниматься административными делами). Чешские дериваты *za-* *si* функционально эквивалентны русским делимитативам: *Měsíc si tu zašéfoval a pak odešel* – Он **поруководил** здесь месяц, а потом ушел; *Впрочем, **постреляли, пошумели, повешали**, оглянулись – где же та революция? Нет ее!* (Солженицын) – *Trochu si zastřileli a zarámusili, sem tam někoho pověsili a kdepak je ta naše revoluce? Nikde!* (инф.).

В русском языке вариативность семантики делимитативов касается оценки продолжительности действия: при поддержке контекста или соответствующей интонации делимитативы способны обозначать и продолжительное действие (на его большую продолжительность указывает контекст, в минимальном же контексте выражается оценка действия как непродолжительного). В чешском языке в этом случае используются другие средства, чаще всего модификации *na-* + *se*, *vy-* + *se*, а также – модель *za-* + *si*. Ср.: *Я **посмеялась** вволю – **Nasmála jsem se ažaž**; В этом году мы **походили** за грибами! – **Letos jsme si ale zahoubařili!***

Особенность фазисно-временной семантики делимитативов в чешском языке делает их синонимичными пердуративам с приставкой *pro-*, которые в обоих языках выражают заполнение действием определенного промежутка времени, при этом действие может продолжаться за пределами этого отрезка, а сам временной интервал обычно оценивается как продолжительный. Ср. *Мы **просидели** над этим несколько часов и продолжаем сидеть – **Proseděli (poseděli) jsme nad tím pár hodin a pokračujeme dál.*** В чешском языке, в отли-

чие от русского языка, глаголы, выражающие положение в пространстве неживых предметов, физические процессы и состояния, как правило, пердуративы не образуют Ср.: *Трактора простояли без дела целое лето – Traktory stály nečinně po celé léto (VRČS); Письмо Энгельса 36 лет пролежало под сукном – чеш. Engelsův dopis ležel 36 let v zásuvce (VRČS).*

Русский язык отличает от чешского и свободная сочетаемость пердуративов с временными показателями конечной границы действия. В чешском языке при необходимости указать на эту границу используется либо беспрефиксный глагол, либо делимитатив. Например: *Соловей пропел до утра – Slavík zpíval až do rána; Мы просидели до утра – Seděli jsme až do rána.* Таким образом, и здесь аспектуальную характеристику действия в чешском языке выражают исключительно лексические элементы контекста, тогда как в русских предложениях в ее характеристике участвуют как собственно глагольные, так и лексические маркеры.

Начальная граница деятельности и гомогенных процессов (без выражения смысла интенсивности) по-чешски эксплицитно может быть выражена лишь фазовыми глаголами, например: *Ребенок скоро заговорит - Dítě brzy začne mluvit; Все вдруг разом заговорили. - Všichni začali najednou mluvit.* Как мы уже отмечали, дериваты с приставкой *za-* в чешском языке выражают целостную порцию процесса или деятельности без актуализации их начальной границы, ср.: *К вечеру trochu запыршело – K večeru prošel nevelkým deštěm; Nejlépe na olympiádě zaskákal devatenáctiletý Michal Doležal, na velkém můstku osmý a na středním jedenactý (MFD 18.02.98) – Лучшее всего на олимпиаде прыгал (букв. прыгнул несколько раз) Михал Долежал, на большом трамплине он был восьмым, а на среднем одиннадцатым.*

В чешском языке продуктивной словообразовательной моделью является начинательно-усилительная (эволютивная) модификация *roz- + se*, образующаяся от глаголов со значением зрительно, акустически, обонятельно воспринимаемых явлений, психических состояний, деятельности, ср.: *Moucha se rozbzučela – Муха разжуужжалась; Obecenstvo se roztleskalo – Публика (горя-*

чо) *заплодировала*. На русский язык такие дериваты часто переводятся глаголами с приставками *за-*, при которых интенсивность должна быть выражена лексически. Такие производные, образованные в чешском языке от глаголов деятельности, а от также глаголов, обозначающих природные и физические процессы, помимо начинательности и интенсивности, выражают также усиление последней, ср.: *K ránu se rozpršelo* – *К утру дождь пошел сильнее / пошел сильный дождь*; *Rozpovídal se o svých potížích* – *Он разговорился о своих трудностях*. Это один из немногих случаев, когда роль морфологических маркеров при выражении определенной аспектуальной характеристики ситуации в чешском языке больше, чем в русском.

В сопоставляемых языках существует богатый репертуар словообразовательных и лексических средств выражения **окончания** действий, деятельности, процессов: префиксы *до-*, *от-*, *до-*, *од-*, глаголы *закончить*, *кончить*, *перестать*. Смыслы просто окончания действия и окончания с одновременной актуализацией последней фазы в семантике чешских глаголов с префиксом *до-* разграничены не так четко, как в русском языке, где два названных значения опираются на два разных префикса. Средством разграничения данных смыслов в чешском языке является внутренний (лексический) и внешний (прежде всего заполнение валентностей) контексты. Ср.: *Dnes jsem tu knihu dočetl* – *Сегодня я эту книгу дочитал*; *Dnes jsem už dočetl* – *На сегодня я уже закончил чтение*; *Ten už dočetl: nic nevidí* – *Он уже (свое) отчитал: ничего не видит*.

Между чешским и русским языками наблюдаются различия в том, какие нетерминативные глаголы комбинируются с модификационным значением актуализации последней фазы, представленной в совокупности с окончанием действия (СВ) или в процессе протекания (НСВ). Можно в общем определить группы глаголов, для которых такое несоответствие наиболее характерно. В русском языке конец колебательных, вращательных движений, как правило, обозначается при помощи фазисного глагола, в чешском же языке в подобных случаях активно используется префикс *до-*. Ср.: *Roleta se dotočila* – *Ру-*

летка перестала вращаться (остановилась); *Houpačka se dohouřala* – Качели перестали качаться. Окончание психических, эмоциональных переживаний и внешних проявлений чувств в русском языке может быть выражено синтетически, при помощи приставки *от-*, в чешском языке только аналитически, ср.: *отгрустить* – *přestat se rmoutit*; *отвеселиться* – *přestat se bavit*; *отмучиться* – *přestat se trápit*; *отсмеяться* – *přestat se smát*. Русской модели *Я свое уже отработал*, способной выражать как а) выполнение долга (ср.: *Я свое уже отработал, теперь поработайте вы*), так и б) исчерпание внутренних ресурсов и возможности совершать действие (ср.: *Я свое отработал, нет сил работать дальше*) в чешском языке соответствуют две модели а) *Už jsem si svoje odpracoval* и б) *Už jsem dopracoval*.

Для выражения **результата** интенсивной деятельности в русском и чешском языках используется сходная деривационная модель типа *докричаться до кого-либо* – *dokřičet se*; *достучаться* – *doklepat se*; *дозвониться / дозваниваться* – *dovolat se*. Однако комбинация этого модификационного смысла с глагольными лексемами в названных языках разная, имеются также другие средства выражения данного значения. Ср.: 1) *додумать до чего-либо* – *přijít na co, dospět k čemu*; 2) *dopracovat se úspěchu* – *добиться в результате работы успехов, хороших результатов, заработать на собственный дом, выработать новый метод*.

В русском языке является продуктивной модель типа *добежаться (до проstudy, до неприятностей)*, выражающая достижение определенной точки в развитии действия, после которой наступают нежелательные его последствия, либо эксплицитно выражаемые отдельной лексемой или синтаксической конструкцией, либо подразумеваемые, ср.: *Доигрался! Допрыгался!* В чешском языке подобные дериваты отсутствуют, нежелательные последствия действия могут быть выражены только описательно.

Таким образом, в чешском языке границы действия, а также другие его аспектуальные характеристики в целом чаще выражаются не глаголами, а лексическими элементами контекста (которые сочетаются либо с глаголами

СВ, либо НСВ), тогда как соответствующие русские ограничительные или начинательные глаголы СВ в этом отношении более информативны.

В чешском языке наблюдается усиление роли словообразовательных средств при выражении интенсивности действия (в комбинации с начинательностью), а также конца деятельности, причем между чешским и русским языком здесь также нет полного соответствия: использование синтетических или аналитических средств выражения данных аспектуальных смыслов зависит от лексической группы глаголов.

7. Семантика предела и определение вида глагола. Особенности выражения отношения действия к его конечному пределу могут даже повлиять на определение вида глаголов в словаре. Оказывается, в славистике в данном традиционном вопросе остались еще дискуссионные моменты.

Во всех славянских языках есть глагольные дериваты типа *набегаться, находиться, насидеться*. В русском языке это типичный глагол СВ, во всех других языках, кроме чешского, он тоже определяется как СВ. А вот в чешском языке глаголы этого типа в целом ряде толковых словарей, например (SSJČ, SSČ) последовательно определяются как СВ и НСВ, то есть как дву-видовые, ср.: *nasmát se* (dok. i nedok.). Лишь у некоторых глаголов это связано с разграничением в словаре двух значений, напр. *najíst se*: 1) doc. (k nasycení – ‘до насыщения’): *Dobře se najedl* – *Он наелся / Он хорошо поел*; 2) nedoc. ‘mnoho a často jíst’ – ‘много и часто есть’: *Toho jsem se v dětství něco najedl!* – *Ну и поел же я этого в детстве!*

В других дериватах, образованных по данной продуктивной модели, эти значения не противопоставлены так четко, но именно с разграничением данных значений связывается определение вида то как СВ, то как НСВ. Приведем примеры, иллюстрирующие два выделенных типа употребления дериватов *na- se*, почерпнутые нами из чешского национального компьютерного корпуса текстов (ČNK).

Первый тип употребления (СВ): *V kanceláři jsem se naseděl dost, tak proto raději chodím pěšky* – *Я насиделся в канцелярии, поэтому люблю хо-*

dit пешком. *Otec se smál , a když se dost nasmál , začal zase vážně...* - Отец смеялся, а когда **насмеялся**, серьезно сказал...; *Pěšky se nachodíme ještě dost a dost* - Пешком мы еще **находимся**.

В данных предложениях русские дериваты выражают смысл 'достижение определенного состояния удовлетворения или пресыщения', в чешских же эквивалентных предложениях, чтобы выразить этот смысл, надо употребить дополнительную лексему (*dost* - *достаточно*), так как сами дериваты *na- se* такой семантики не выражают. Поэтому подобные производные глаголы в русском языке могут быть употреблены при обозначении цепочки сменяющих друг друга действий в повествовательных претеритальных текстах, а в чешском нет, ср.: *Они пошли на речку, **накупились, назагорались и вернулись домой***. В эквивалентных чешских предложениях вероятнее всего употребление глаголов НСВ *koupali se, opalovali se*.

Более частотны в чешском языке, особенно в разговорной речи, данные дериваты во втором значении 'много и часто что-то делать'. Такое употребление стилистически не нейтрально, при этом оценка действия, вернее его количества, может быть как положительной, так и отрицательной. Именно с таким типом употребления связано определение вида соответствующих глаголов в SSJČ как НСВ, хотя какие-либо из рассмотренных выше признаков НСВ у них отсутствуют. Они не сочетаются с фазовыми глаголами, с показателями длительности типа *долго, год*, не имеют актуально-процессного значения, не образуют форму аналитического будущего. Ср.: *Co jsme se jen do těch domů **nachodili!*** – Сколько же мы **походили** по этим домам! *Vždyť se tolik **načekal**, než se ti narodila* – Он же столько **ждал**, прежде чем я у него родилась. *U doktora se člověk vždycky děsně **načeká***. – У врача всегда приходится страшно долго **ждать**. *V životě jsem se během jediného dne tolik **nenačekal** jako dnes*. - В жизни я никогда в течение одного дня не **ждал** столько, сколько сегодня. *Pozdravujte Marii , která se pro nás hodně **pracovala*** . – Передайте привет Марии, которая для нас очень много **работала**.

В приведенных предложениях глаголы типа *načekat se, namluvit se* выступают как синонимичные сочетаниям *dlouho čekat, hodně mluvit*, отличаясь от нейтральных словосочетаний лишь выражением экспрессивного отношения говорящего к действию.

Таким образом, трактовка производных глаголов *na- se* в чешской лексикографической традиции как двувидовых глаголов определяется особенностями их семантики и связана с двумя типами употребления данных глаголов, различия между которыми определяются выражением / невыражением предельного момента в состоянии производителя деятельности.

В чешском языке имеются формы будущего времени *pobežím, pojedu, ponesu, poletím*, существующие без инфинитивов, отсутствуют также соответствующие формы прошедшего времени (**poběžet, *poběžel, *pojet, *pojel*). По мнению большинства лингвистов [Кореšný 1962: 46-50; Havránek, Jedlička 1960: 245; Mluvnice 1995: 317], это особые формы будущего простого, образованные от глаголов НСВ *běžet, jet, nést, letět* (*бежать, ехать, нести, лететь*). Так как нет инфинитива, то проверить их вид обычным способом, то есть на сочетаемость с фазовыми глаголами, невозможно. Основным критерий определения вида – это функциональный: данные формы имеют лишь значение будущего времени и не могут выражать настоящее неактуальное (в том числе и узуальное), не употребляются в значении настоящего исторического, что сближает их с формами будущего времени НСВ, ср. *polezu – budu lézt* (*полезу – буду лезть*); *poteče – bude téci* (*потечет – будет течь*). Отличаясь от последних по форме, глагольные формы с *po-* выступают, по мнению Ф.Копечного, как их полные синонимы, что подтверждает характеристику их вида как несовершенного., ср.: *Kufr ponesu / budu nést já. Jak dlouho to ponese / bude nést?* – *Чемодан понесу / буду нести я; Как долго он это будет нести (ср. ?понесет)?*

В качестве примеров, свидетельствующих об отсутствии временных границ в восприятии обозначаемого действия, Ф. Копечны приводит такие, как *Ty to poneseš stále* – *Ты это будешь нести* (букв. *понесешь*) *все время*

[Кореčný 1962: 48]; ср. также: *Jak dlouho to ponesu?* – Как долго я это буду нести (букв. понесу); *Půjdete pořád přímo* – Идите (букв. пойдете) все время прямо.

Как представляется, исходные глаголы однонаправленного движения типа *jít* полностью соответствуют сущности двувидовых глаголов. Они используются и в функции НСВ (*Začal jít rychleji* – Он пошел (ср. начал идти) быстрее; *Šel dlouho sám* – Он долго шел один), и в функции СВ (*Kde je Jiří?* – *Šel domů* – Где Иржи? – Пошел домой). Синтетические формы будущего времени, а также формы императива *pojd', pojed', polez ven, poběžte, ponес*, образованные от соответствующих бесприставочных двувидовых глаголов типа *jet, jít, lézt*, не способствуют устранению двувидовости, так как сами находятся на границе между НСВ и СВ, проявляя двувидовость в конкретной временной форме. Наличие таких форм в чешском языке подтверждает большую роль контекста в выражении аспектуальных значений в чешском языке, чем в русском.

8. Краткие выводы

Таким образом, проанализировав соотношение глагольных и контекстных средств выражения аспектуальной семантики в русском и чешском высказываниях, мы пришли к выводу о большей аспектуальной информативности видов и способов глагольного действия в русском языке, по сравнению с чешским. В последнем при выражении аспектуальных характеристик действия (повторяемости, начала, результата и последствий процессов или деятельности, ограничения их временными рамками) больше роль лексических показателей. Это соответствует отмеченной ранее большей нормированности употребления видовых форм в русском языке, по сравнению с чешским, где свобода выбора вида больше, – в контексте узувидового действия, в настоящем историческом, при повествовании в прошедшем времени и др. [Петрухина 2000].

Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971

Бондарко А.В. Аспектуальность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.

Петрухина Е.В. Функционирование презентных форм глаголов совершенного и несовершенного вида (с точки зрения грамматических категорий вида и времени) в чешском языке в сопоставлении с русским // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М. 1983.

Петрухина Е.В. Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках (на материале русского, западнославянских и болгарского языков) // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.

Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

Рассудова О.П. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.

Тэк-Гю Хонг. Русский глагольный вид сквозь призму теории речевых актов. М., 2003.

Широкова А.Г. Отношение маркированных многократных глаголов к категории славянского глагольного вида (образование, семантика, особенности функционирования) // Исследования по глаголу в славянских языках. Глагольная лексика с точки зрения семантики, словообразования. Грамматика. М., 1996

Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.

Havránek B., Jedlička A. Česká mluvnice. Praha, 1960.

Kopečný F. Slovesný vid v češtině. Praha, 1962.

Priruční mluvnice češtiny. Brno. 1995.

Список сокращений

PSJČ – Příruční slovník jazyka českého. D.1-9. Praha, 1935–1957.

SSJČ – Slovník spisovného jazyka českého. D. 1-4. Praha, 1960 – 1971.

VRČS – Velký rusko-český slovník. D.1-5. Praha, 1952–1960.

ČNK – Český národní korpus.